СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 50 . № 3 . 1991

© — ОЛЯ — 1991

С. Н. БРОЙТМАН

СУБЪЕКТНО-ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА РУССКОЙ ЛИРИКИ XIX В. В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Общеизвестно, что лирика по самой своей природе более непосредственно вырастает из субъекта, чем эпос и драма. Однако до недавнего времени лирический образ изучался вне связи с породившей его субъектной структурой. Метафора, символ и сравнение для нас до сих пор являются прежде всего «объектными» образами (если не «украшениями» в античном смысле), но не выразительными формами определенных субъектных отношений. Подобное понимание и конкретных образных форм, и лирического образа в целом уходит своими корнями к самым истокам литературоведения.

Уже первая, рожденная античностью рефлексия литературы над собой не предполагала анализа субъектной природы художественного феномена, а сосредоточила внимание на его вещно-пластических аспектах [1]. В таком подходе с античной традицией смыкается и качественно иная, индийская, предложившая «последовательно объективный (точнее, объектный)» взгляд на литературу: санскритские поэтики «опирались на литературный объект — поэтический текст, а не на анализ свойств, стимулов или вкусов субъекта — автора либо читателя» [2, с. 33]. Но и позже, когда субъект начал учитываться новоевропейской наукой, он вошел в теорию литературы прежде всего в своей внехудожественной (социальной, исторической, психологической) ипостаси, а не как факт собственно поэтики.

Частичный отход от традиционно-риторического («объектного») понимания лирического образа наметился в исторической поэтике А. Н. Веселовского. Если риторические поэтики понимали образ как *украшение* речи (ornatus — см. античные тропы и фигуры, санскритские аланкары, арабское бади [2, 3]), то для А. Н. Веселовского в тропе важнее его суггестивная функция и то, что он генетически связан с *личностной рефлексией* — с «различением» и «утверждением единичного» [4, с. 188]. Но хотя А. Н. Веселовский рассматривал лирику как историю развития личности, он сосредоточил внимание на том, как обусловлены литературные формы социальными и психологическими отношениями, сами же по себе межсубъектные связи еще не осознавались наукой его времени как реальность текста и факт поэтики.

Качественно новым шагом, принципиально преодолевшим риторический и объектный подход к искусству, стала концепция М. М. Бахтина, основанная на понимании художественного образа как *отношения между субъектами* [5, с. 343]. Но ввиду неразработанности у М. М. Бахтина теории лирики, глубоко перспективное изучение субъектной сферы, намеченное исследователем, оказалось изолированным от изучения сферы собственно образной. Так обозначилась научная задача осознать интересующий нас род литературы как единства этих двух сфер, как *субъектно-образную целостность*. Именно в этом плане мы рассмотрим русскую лирику XIX в., но для лучшего ее понимания обратимся и к истории поэтики.